

«Старший брат может нести некую ответственность за это, но почему кузина Пан гуляла во внешнем дворе в такой поздний час? Если бы это был Второй Брат или мой муж, заставила бы бабушка страдать и их? С характером и фоном тети и кузины Пан, вы абсолютно уверены, что хотите, чтобы мисс Пан стала второй женой старшего брата? Вы пытаетесь разрушить Дом Цзин'ань? Дом, ради того, чтобы построить который дед рисковал своей жизнью!»

Слова Чу Лянь походили на свирепые волны, захлестнувшие Матриарха Хэ. Старуха не могла вовремя среагировать: ее глаза были широкими и пустыми от шока.

Если бы эти слова исходили от графини Цзин'ань или Хэ Чанди, Матриарх не была бы в таком шоке. Однако это сказала ей Чу Лянь, один из самых младших членов семьи. Воздействие было увеличено в несколько раз.

Матриарх Хэ была мгновенно пробуждена от своей глупости.

В салоне было так тихо, что они слышали бы, как упала булавка.

Чу Лянь не ушла сразу после того, как сказала свою речь. Она стояла прямо в центре гостиной. Она сдерживала эти слова очень долго. Сегодня она выпустила их всех за один раз, смывая тяжесть, которая лежала на ее сердце, и снова поднимая себе настроение.

Когда Хэ Ин увидела, что голова ее матери склонилась, как будто та действительно серьезно относится к словам Чу Лянь, она начала паниковать.

У нее не было времени заботиться о своей гордости или о чем-то еще. Хэ Ин выступила вперед с намерением упрекнуть ее: «Мадам Чу, перестаньте пытаться сбить нас с толку своими словами! Какое ты имеешь право стоять там и делать выговор моей маме? Уже было достаточно плохо, что вы нарушили свою клятву верности своему мужу, но теперь вы на самом деле пытаетесь не уважать своих старших?! Ваше поведение выходит из-под контроля!»

Хэ Ин была в ярости. Она говорила, что ей приходило в голову, без каких-либо фильтров. Когда она закончила говорить, то почувствовала легкое сожаление по поводу некоторых неуместных обвинений, которые бросила. Однако молоко уже было пролито. Она не могла забрать свои слова обратно.

«Я неверна моему мужу? Боюсь, что вы, должно быть, вместо этого говорите о себе, тетя! Чу Лянь поменялась в лице, сумев подражать половине холодной ауры Хэ Санланга.

В то время как кто-то мог навести подозрения на Чу Лянь, Хэ Ин была единственной, кто не имел на это никаких прав. Ее правонарушения в молодости были гораздо серьезнее, чем возможные связи Чу Лянь.

Кто бы мог подумать, что у доброй, спокойной Третьей Молодой Мадам будет такой момент? Она отказалась дать хотя бы один дюйм пройти издевательствам Старшей Мадам. Хэ Ин находился под защитой Матриарха с тех пор, как приехала в поместье Цзин'ань, поэтому никто не осмелился ей отвечать. Хэ Ин никогда не сталкивалась с таким сильным противником раньше: она готова была с ума от ярости.

Таким образом, она стала еще более агрессивной со своими словами.

«Мадам Чу, не думай, что я невежественна! Ты была похищена раньше на севере! Молодая девушка, забранная группой варваров? Кто знает, сколько варваров уже осквернили тебя? Кто знает, сколько зеленых шляп сейчас носит Санланг?! И все же у тебя все еще есть лицо, чтобы спорить со мной? Хммм! Разве ты не задумывалась, почему ты больше не нравишься маме? Ну, разве не потому, что ты опозорила нашу семью?!»

Рот Хэ Ин действительно не знал никаких препятствий. Она только что раскрыла некоторые ужасные истины и даже потащила Матриарха с собой.

Хотя Матриарх подозревала виновность Чу Лянь, она думала об этом только про себя. Как она могла спрашивать Чу Лянь напрямую?

Матриарх Хэ собиралась отругать Хэ Ин, но высокая фигура быстро вошла в гостиную.

Хэ Чанди прикрыл Чу Лянь своим телом. Его ледяные глаза прожигали дыры в Хэ Ин, давая понять всем, что он собирается пресечь любые ее дальнейшие действия.

Хотя Хэ Санланг обычно сохранял спокойное и отчужденное выражение на своем красивом лице, он был чрезвычайно сыт отношением своей семьи. Он всегда относился к членам своей семьи с теплотой и добротой, будь то Матриарх Хэ, графиня Цзин'ань или даже эта тетя, которая ему не нравилась.

Было бы неплохо, если бы все в поместье занимались своим делом и пытались поддерживать мир на поверхности. Тем не менее, Хэ Ин просто должна была ступить на нижнюю линию Хэ Санланга.

Хэ Чанди был чрезвычайно чрезмерно защищен своей женой. Видя, как Чу Лянь была осуждена как «неверная» перед таким большим количеством людей, он больше не мог сдерживать свой характер. Даже если его противником была его тетя, Хэ Ин!

«Тетя, я посоветую вам постыдиться!»

Сказав это, он прикрыл Чу Лянь своей рукой и быстро покинул зал Цинси.

Хэ Ин была полностью потрясена предупреждением Хэ Санланга. К тому времени, когда она

пришла в себя, на ее лице появилось уродливое выражение. Она обернулась, подсознательно желая пожаловаться Матриарху.

Раньше ей никогда не было так стыдно, особенно перед Хэ Санлангом и Чу Лянь, двумя младшими членами семьи.

Все слуги в комнате держались как можно тише, стараясь не разжигать огонь.

Хэ Ин завопила в обвинении: «Мать!», Но на этот раз матриарх не сразу ответила, как обычно.

Отказавшись от ответа, Хэ Ин изменила свой тон и заставила себя жалко рыдать: «Мама, ты не слышала, как Санланг только что оклеветал меня? Хнык хнык... Как я могу остаться здесь, в этом поместье, после этого...»

«Достаточно!» - Матриарх хлопнула рукой по боковому столику, заставив стучать по нему чайные чашки.

Теперь Хэ Ин, наконец, испугалась достаточно, чтобы остановить свои притворные крики.

Жалость к себе, которую ей удалось выжать, полностью исчезла, оставив только шок в ее глазах, когда она смотрела на свою мать.

«Вы свободны. Я устала», - сказала Матриарх, прижимая руку ко лбу, закрыв глаза и потеряв виски.

Хэ Ин открыла рот, желая что-то сказать, но под яростным взглядом старшей служанки Лю она резко обернулась и выбежала.

Теперь, когда ее спина была повернута к Матриарху, лицо Хэ Ин исказилось от презрения.

Хэ Ин никогда не забывала ту ненависть, которую она испытывала, когда родители отправили ее в Сиян. Ей вообще было все равно, повлияют ли на ее мать эти бурные события. После стольких суровых лет в Сияне она стала еще более эгоистичной и ужасной. Пока она может выжать из Матриарха как можно больше, ей будет все равно, что с той станет потом.